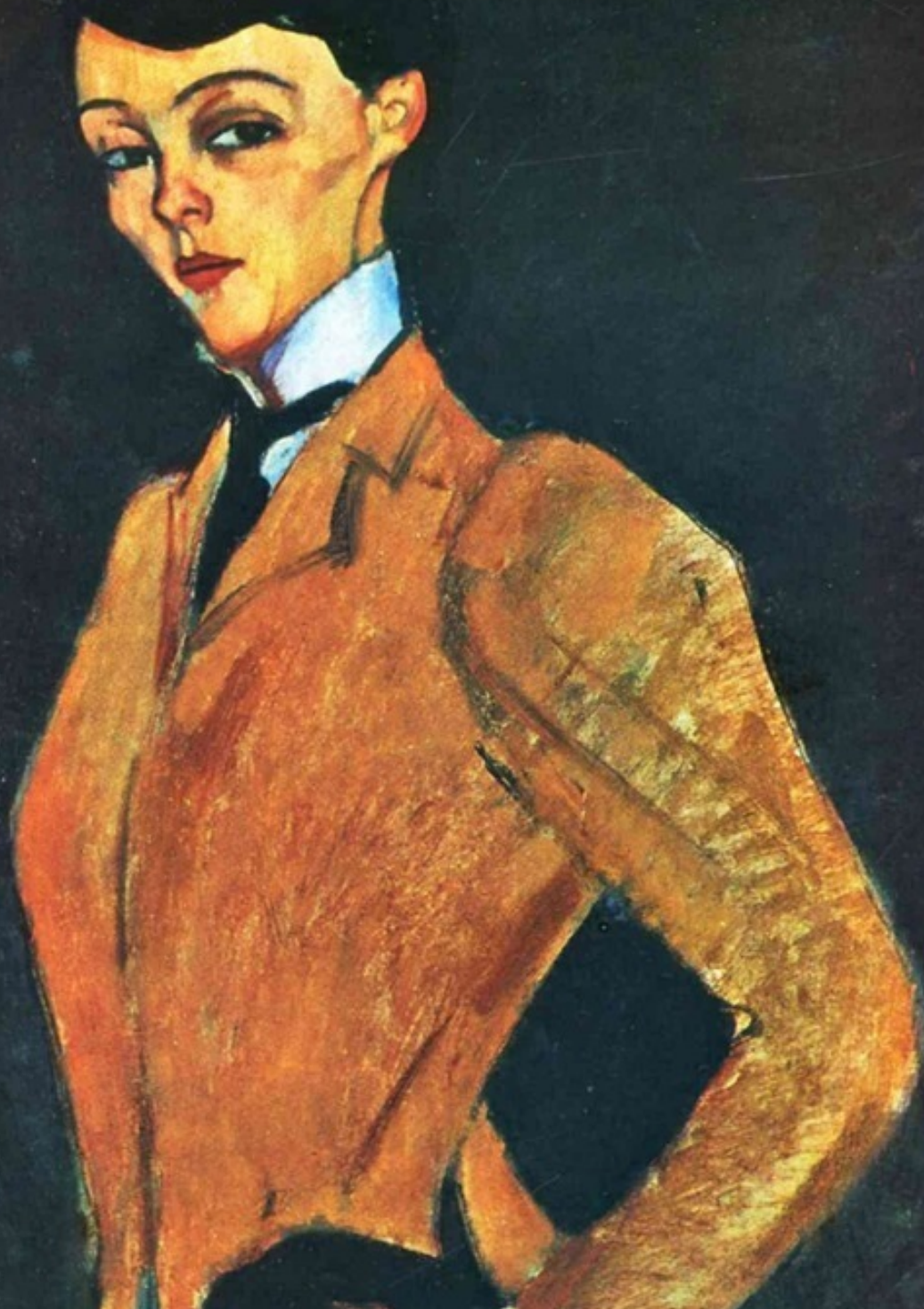

Мария Корелли

Моя чудная жена!

Мария Корелли
Моя чудная жена!

«Издательские решения»

Корелли М.

Моя чудная жена! / М. Корелли — «Издательские решения»,

В душе благовоспитанного супруга зарождаются смутные сомнения, когда его новоиспечённая жена в первую же брачную ночь предстаёт пред ним в мужском костюме и с огромной дымящейся сигарой в зубах... «Моя чудная жена!» — это сатирический памфлет Марии Корелли на тему феминизма.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Моя чудная жена!

Мария Корелли

© Мария Корелли, 2016

© В. Чичерина, перевод, 2016

© Амадео Модильяни, иллюстрации, 2016

Редактор А. В. Боронина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Она была действительно замечательной женщиной! Я всегда это говорил. Она покорила меня одной своей улыбкой; она подчинила мою слабую и трепетную душу одним взглядом. С первого взгляда она завладела мной так полно, что у меня более не осталось собственной воли; я до сих пор не знаю, как случилось, что я женился на ней. Мне смутно представляется, будто это она женила меня на себе. Я считаю это довольно вероятным, зная теперь, какой у неё сильный, устраняющий все препятствия ум. Когда я впервые увидел её, это была блестящая девушка. Одна из тех «видных» девушек, знаете ли, с пышными плечами, круглыми руками, полной грудью, полными щеками, прекрасными зубами и массой густых волос, девушка смелая и выдержанная, как раз подходящее существо для такого небольшого, смиренного и несколько нервного человека, как я. Она только что вернулась из горной Шотландии, где свалила прекрасного оленя одной меткой пулей из своего ружья; она сохранила ещё следы загара, и от неё веяло ароматом горных цветов и трав. Она говорила – о Боже! как увлекательно она говорила! Она смеялась, и избыток её жизненной энергии внушал мне положительную зависть. Она танцевала с жаром и увлечением мужественной амазонки, танцевала, пока голова моя не пошла кругом, когда я смотрел на её неустанное кружение. Она никогда не уставала, не знала слабости или отдыха. Она пользовалась отличным здоровьем, была прекрасно развита физически и обладала аппетитом, которого хватило бы на двух мужчин среднего роста; кроме того, она ела такие вещи, соединение которых не могло бы остаться безнаказанным ни для одного человека. Я наблюдал за нею в вечер нашей первой встречи (мы были на одном из вечеров с танцами, которые составляют одно из невинных развлечений лондонской общественной жизни), я наблюдал за ней и замечал с немим изумлением и восхищением, как между двумя танцами она съедала три блюдечка мороженого и полную тарелку салата из омаров; я дивился на неё с восторгом и трепетом, когда за ужином она быстро покончила с майонезом, лососиной с огурцами, пирогом с ветчиной, сливочным пирожным, красным желе, сыром и сардинами, шампанским, бисквитами с ромом – и потом опять принялась за мороженое! Я поспешил предложить ей две чашки кофе одну за другой, и трепет восхищения овладел мной, когда на мой вопрос, не вызывает ли кофе у неё бессонницы, она громко и весело рассмеялась и ответила:

– У меня? Нет; я сплю как медведь и встаю свежая как маргаритка.

Свежая как маргаритка! Как это, должно быть, прекрасно! Я поверил ей вполне. У неё была такая богатая наружность, такая нежная кожа, такие блестящие, большие, почти дикие глаза! Она сияла здоровьем; самый вид её возбуждал бодрость и в то же время был какой-то властный. Я был совершенно уничтожен и порабощён её превосходством и самоуверенностью. Она была так не похожа на тех женщин их романов Вальтера Скотта, которыми восхищались наши прадеды, – нежных, скромных, застенчивых, краснеющих особ, которым нужны были мужчины, чтобы биться за них и покровительствовать им, – то были поистине жалкие, слабые существа! Конечно, такой порядок вещей был очень хорош и внушал мужчинам мысль об их значительности и полезности в мире. Но если поразмыслить об этом, это была большая глупость! К чему мужчинам брать на себя труд заботиться о женщинах? Они сами могут заботиться о себе и постоянно это доказывают. Что касается деловых отношений, то они за пояс заткнут всякого мужчину своим умением устраивать денежные дела!

Я сказал уже, что эта великолепная девушка Гонория Маггс – так её звали – вполне покорила меня, совершенно «околпачила», как выразился на днях герцог Гевилендс на собрании скакового общества, а так как он принадлежит к высшей аристократии, то я думаю, что это самое модное аристократическое выражение. Всегда следует брать пример с высших, а герцог несомненно выше меня на несколько тысяч фунтов, так как в наше время, как всем известно, превосходство измеряется размерами кассы. Я увидел в этой Гонории Маггс свою судьбу,

от которой никуда не уйдёшь. Я следовал за ней всюду: с одного вечера на другой, с бала на бал, с концерта на концерт, со скачек на скачки с неутомимой настойчивостью, которая граничила с безумием, – настойчивостью, которая удивляла всех, в том числе и меня самого. По правде говоря, я не знаю, почему я это делал. Чтобы сделать приятное спиритам, я охотно готов свалить вину на «астральное влияние». С другой стороны, чтобы доставить удовольствие знаменитому доктору Шарко, я готов допустить здесь гипнотизм. Гонория Маггс «влекла» меня, а я подчинялся, не думая о последствиях. Наконец, дело пришло к обычной развязке. Я сделал предложение. Я рассказал вполне откровенно о положении моих финансовых ресурсов, тщательно объяснил, как велик был мой кредит в банке, сколько было помещено в консолях. Результат был вполне удовлетворительный. Предложение было принято, и затем в течение месяца или двух я принимал поздравления от моих друзей и внутренне считал себя счастливейшим из людей. Во время моего ухаживания Гонория не выказывала никакой чувствительности; она была слишком умна для этого. Ей никогда не приходило в голову целоваться в тёмных уголках, и она пришла бы в ярость, если бы я вздумал коснуться ногой кончика её башмака под столом. Она никогда не останавливалась, чтобы посмотреть на луну, возвращаясь домой пешком от соседей или с какого-нибудь вечернего собрания. Ничего в таком роде! Она была вполне практичная, способная, здоровая женщина, совершенно чуждая романтичности. Я был рад этому, потому что в последнее время я читал в журналах и газетах, что всякая романтичность – явление болезненное, а я не хотел, чтобы у меня была болезненная жена. Гонория же обладала несокрушимым здоровьем и неутомимостью. Она, между прочим, написала повесть и даже напечатала её. Но в ней, понимаете ли, не было никаких пустяков, я хочу сказать, что в ней не было глупой чувствительности, как, например, в стихах Байрона или в пьесах Шекспира, это была спортивная повесть, полная смелости и конюшенного жаргона; весёлая, ходкая книга, с намёком на план, не имевший, впрочем, значения, и с внезапным поворотом сюжета, который оставлял вас в изумлении, почему это так. Словом, такое чтение, которое не тревожит ум. Она имела большой успех, отчасти потому что Гонория Маггс, разузнав имена всех критиков, «подбила» их, как она сама откровенно говорила, отчасти потому что герцог Гевилендс (о котором я упоминал) клялся, что это «чертовски умнейшая вещь, какую он когда-либо встречал в печати». Некоторое время имя её было у всех на языке; потом в самый разгар её славы она отправилась на охоту за куропатками и набила такое количество дичи, что факт этот был занесён на страницы всех модных журналов, и популярность её возросла ещё больше. Знаменитый портной умолял её позволить ему сшить для неё платье; все его конкуренты посылали ей свои циркуляры, фабриканты мыла убеждали её каждое утро употреблять исключительно их товары, фотографы предлагали ей бесплатные сеансы, и она готова была стать «профессиональной красавицей», также как и знаменитым стрелком, и литературным гением. Да, я знаю, «гений» – это великое слово. Но если у Гонории Маггс не было гения, то я спрашиваю: что же у неё было? Какой демон деятельности, или легионы демонов овладели ею? Но я забегаю вперёд. Я только что сказал, что она могла стать «профессиональной красавицей» и в этом качестве получить доступ на сцену, где она могла бы отделаться до некоторой степени от той изумительной энергии, которой у неё был такой громадный запас, но я помешал этому, женившись на ней. Да, я думаю, что я женился на ней, хотя, как я упомянул выше, мне всегда казалось, что она играла более деятельную, а я более пассивную роль в устройстве этого брака. Я знаю, что мои ответы в церкви во время брачной церемонии были едва слышны, её же были так ясно произносимы, что раздавались по всему зданию и почти пугали меня своей решительной звучностью. Но у неё всегда был звучный голос: здоровые лёгкие, знаете ли, никакого намёка на чахотку!

Все говорили, что это была прекрасная свадьба. Может быть. Я знаю, что никто не смотрел на меня и не думал обо мне. Я играл последнюю роль в церемонии; невеста же обращала на себя всеобщее внимание. Это всегда так бывает, что все смотрят только на невесту, хотя

жених также необходим при бракосочетании. Без него ведь нельзя обойтись. Почему же на него обращают так мало внимания его друзья и родственники во время его собственной свадьбы? Это одна из трудных задач общественной жизни, которую я никогда не разрешу.

Мы получили много подарков. Конечно, большинство из них получила моя жена. Один из них поразил меня своей неуместностью: это были сигара и пепельница, дубовая с серебром, с прекрасно выгравированной её монограммой. Это был подарок её приятельницы, у которой она гостила в то время, когда застрелила оленя с ветвистыми рогами. Эти рога, оправленные в серебро, назначались для украшения прихожей в нашем новом доме. Когда мы ехали с нашего свадебного пира и старались защититься от потоков риса, которым по обычаю осыпали нас наши чересчур усердные благодетели сквозь окна кареты, я шутливо заметил:

– Странный подарок ты получила, милая, от миссис Стерлинг из Глин-Руэча, – она, вероятно, назначала его мне!

– Какой? – спросила отрывисто Гонория. (Она никогда не тратила много слов.)

– Сигару и пепельницу, – отвечал я.

– Странный? – и новая подруга моих радостей и горя повернулась ко мне с блестящей улыбкой в прекрасных глазах. – Ничуть не странный. Она знает, что я курю.

Курим! Слабый шёпот, скорее вздох изумления вырвался у меня, и я откинулся на спинку кареты.

– Куришь? Ты куришь, Гонория? Ты... ты...

Она громко засмеялась.

– Курю ли я? Конечно! Как ты, глупый, не знал этого? Разве ты не чувствовал запаха моего табака? Настоящий турецкий. Взгляни.

Она вынула из кармана настоящий мужской кожаный порт-табак, отделанный серебром, полный табака тончайшей крошки, так называемый «золотой волос», особенно ценимый знатоками; там же лежал запас рисовой бумаги для кручения папирос. Она очень искусно свернула одну и подала мне.

– Хочешь попробовать? – спросила она беспечно.

Я отрицательно покачал головой. Она положила папиросу в табачницу и опять засмеялась.

– Это очень нелюбезно, – сказала она. – Очень! Ты отказываешься от первой папиросы, которую сделала для тебя твоя жена!

Этот упрёк больно задел меня.

– Я возьму её, Гонория, – пробормотал я нервно, – но, милая моя, дорогая, я бы не хотел, чтобы ты курила!

– В самом деле? – она посмотрела на меня с полной беспечностью. – Жаль! Но делать нечего. Ведь и ты куришь – я видела.

– Да, я курю. Но я мужчина, а...

– А я женщина! – договорила Гонория спокойно. – И мы двое стали теперь одно. Я имею такое же право курить, как и ты, друг мой, так как мы с тобой нераздельны; и мы вместе будем наслаждаться сигарой после обеда.

– Сигарой!

– Да; или папиросой, как хочешь. Для меня решительно всё равно. Я привыкла и к тому и к другому.

Я сидел молча и не мог прийти в себя. Я посмотрел внимательно на мою жену и внезапно заметил какую-то мужественную, сдержанную решительность в её лице, которая изумила меня, – этот резко очерченный подбородок, которого я прежде не замечал. Смутное чувство тревоги пробежало по мне, как холодная дрожь. Неужели я ошибся в выборе жены? Не будет ли это прекрасное крупное существо, эта роскошно развитая женщина с богатырским здоровьем тяготить меня? Я старался избавиться от тревожившей меня мысли. Я всегда смеялся над сла-

бавольными мужьями, которые позволяли жёнам командовать собою. Не суждено ли и мне изображать такую же смешную фигуру? Не будет ли и мной руководить железный жезл женщины? Нет, никогда, никогда! Я буду возмущаться, буду протестовать! А пока ведь мы только что обвенчались, и я не осмеливался высказать моих мыслей!

Глава 2

В этот вечер – первый после нашей свадьбы – я был свидетелем странного и замечательного зрелища. Это было после обеда в нашей собственной гостиной (мы заняли несколько комнат в прекрасном отеле на берегу моря, где намеревались провести медовый месяц). Жена моя вышла из комнаты, сказав, что вернётся через несколько минут. Я придвинул кресло к окну и смотрел на море. Немного погодя, я поискал в кармане и достал портсигар. Я любовно смотрел на него, но противился искушению закурить. Я решил не подавать примера Гонории. Если она подвержена такому неженственному пороку, то моя обязанность как мужа была воздерживать её от этого. Некоторые читатели могут спросить: «Если вам не было неприятно, что она ходит с ружьём, то вы должны были ожидать, что она усвоила себе и другие мужские привычки». Позвольте мне объясниться. Мне была неприятна её ружейная охота, очень неприятна; но я всегда был старосветским человеком со старосветскими взглядами (я стараюсь постепенно отделаться от них); одним из них было глубокое уважение и рыцарское почтение к дамам, принадлежащим к английской аристократии. Для меня они представлялись высшим олицетворением всего благородного и возвышенного в женщине, и я полагал, что то, что они делают, должно быть правильно и не только правильно, но и вполне благовоспитанно, так как их обязанностью и преимуществом было служить образцом наилучшего поведения для всех остальных женщин. Когда Гонория была ещё мисс Маггс и стала заниматься охотой, она следовала примеру (как я читал об этом в модных журналах) трёх самых высокопоставленных титулованных женщин страны. Кроме того, я думал, что это была просто фантазия пылкой девушки, которая хотела показать, что при случае она может стрелять так же хорошо, как мужчина. Я был уверен, что когда мисс Маггс станет миссис Гетвелл-Трибкин (Вильям Гетвелл-Трибкин – это моё имя), она, выражаясь поэтически, заменит ружьё иглой и ягдташ домашним бельём. Таково было моё ограниченное представление о женском уме и характере. Теперь я знаю гораздо больше! И с тех пор как я убедился, что высшие дамы королевства курят и стреляют, я не скажу, что я о них думаю! Тем же, кто интересуется моим мнением по этому поводу, я могу сообщить, что теперь я больше не имею старосветского пристрастия к таким аристократкам. Пусть их делают что хотят, пусть спускаются до какого угодно уровня, только Боже избави считать их за образец английских жён и матерей. Некоторые лица, которые в последнее время выражали свои мнения в обширных столбцах «Дейли Телеграф» (честь и слава этой почтенной газете, которая доставляет возможность этим овечьим душам бесплатно пастись на её пажитях), утверждали, что курение для женщин есть безвредное и невинное удовольствие, которое ведёт к приятному товарищескому сближению между обоими полами. Всё, что я могу сказать, – это пусть попробуют эти непрошенные адвокаты жениться на неисправимой курильщице. Тогда они лучше будут знать!

Вечер после свадьбы – вовсе не такое время, чтобы ссориться, и я не мог ссориться с Гонорией, когда она представила мне удивительное зрелище, о котором упомянуто в начале главы. Она вернулась в гостиную со своим весёлым громким смехом, говоря:

– Теперь мне удобно! Есть для меня кресло? Хорошо! Подвинь его в этот угол и будем как добрые товарищи!

Я смотрел на неё, когда она говорила, и не мог вымолвить ни слова. Мне казалось, что я чувствую, как волосы поднимаются у меня на голове от изумления и ужаса. На что была похожа моя Гонория, моя жена, которую я только что видел в образе лёгкого видения в белом шёлке и кружевах с ветками флёрдоранжа? На мужчину! Да, хотя она была в юбке, но она была похожа на мужчину! Вместо красивого дорожного платья на ней была узкая коричневая шерстяная рубашка мужского покроя и жилетка, напоминавшая скачки, из грубой фланели с крупными лошадиными подковами на синем фоне. На голове у неё была красная феска с длинной кистью,

которая спускалась на левое плечо. Она села и смотрела на меня так спокойно, как будто её костюм был самой обыкновенной вещью. Я ничего не говорил. Я думаю, она и не ожидала, что я скажу что-нибудь. Она взглянула на море, сиявшее пурпуром при вечернем освещении, и быстро проговорила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.